

История о доме

Рут Татрис

Безымянная деревушка в Уттаракханде, близ Бейнджели. 4 года назад.

Наконец-то она дома. Душно. Густо пахнет влажной землей и сочной, напитавшейся влагой, травой. Стрекошет сверчок - на джунгли опускаются сумерки. Скоро на охоту выйдут гораздо более опасные хищники. Рут спокойно, здесь ей привычно, здесь ей нравится. Она знает эти джунгли вдоль и поперёк, но все равно здесь каждое дерево - уже не то же самое, что было раньше, до ещё отъезда. Здесь листья стали крупнее и мясистее, лианы толще, деревья кряжистей. Дети выросли, а старики ушли в землю. Мальчишка-сирота, родителей которого убил брюшной тиф, уже не узнать - он женат, его жена беременна на последнем сроке. Староста деревни стал ещё сморщеннее, темнее, древнее, он похож на те старые деревья, что сплошной стеной окружают деревню. Он сросся корнями с этой деревней и с этими деревьями, здесь он родился, здесь жил, здесь и найдёт свой покой, а душа его обязательно переродится в теле дерева, и он станет ещё одним молчаливым уверенный стражем этой маленькой, потерянной для всех в глубине джунглей деревни.

Большинство из них, из жителей, ещё помнят Рут - их загорелые лица улыбаются, когда они ее видят, они приветливо здороваются и желают мирной ночи, Рут охотно улыбается в ответ. От них пахнет уверенностью, от этих лиц, от улыбок, от тёмных глубоких глаз. Все проблемы мира кажутся тут несущественными, ведь все, что заботит этих добрых и сильных людей - это сезоны дождей и засухи, здоровье детей, стариков и домашнего скота, нападения диких животных и вспышка малярии, которую с трудом удалось победить. Ни политические дразги, ни курс валют, ни отголоски внешних войн сюда не добираются, плутая в переплетении ветвей и древесных стволов и теряя ориентиры в бесконечном следовании звериных троп.

- Куда ты дальше, - спрашивает ее староста, Рут сидит на пороге его хижины, скрестив ноги, глядя в пространство между деревьями. Он курит ароматный табак, и этот запах возвращает ее в детство, ведь этот запах всегда преследовал ее отца и его, старосту, что позднее заменил ей отца.

- На запад, - отвечает Рут. Ей не хочется волновать этих сильных, степенных людей какими-то посторонними проблемами. - Я буду возвращаться здесь.

Рут Татрис

Она закрывает глаза и молчит, вдыхая запах табака. Говорить на хинди легко и свободно, а аромат табака причудливо сплетается с запахами земли, листы и гниения, всегда сопутствующим районам повышенной влажности. Она закрывает глаза и мысленно идёт по тропе прочь от деревни, нет, не идёт, бежит, и нет, не она, а молодая, сильная самка леопарда. Лапы мягко ступают по подлеску, прибитой недавно прошедшими дождями траве, стелющимся лианам и крупным листьям, зоркие глаза выхватывают из серости массы яркие пятна движений, вибрирующих сердцебиений, чуткие уши улавливают тончайшие звуки, на грани чувствительности

и слышимости, на грани существования. Этот лес - ее родной дом, она знает все закоулки, отсюда направо мимо поваленного дерева - и выйдешь к реке и запруде с крокодилами, вперед и направо - к стоянке индийского тигра, лезть к которому может только самоубийца, и только путь вперед свободен от опасностей, по нему мчится самка леопарда, пятнистая тень в пятнистых сумерках. Воздух наполнен миллионами запахов, ярких, сочных, манящих и зовущих, и каждый из них по своему интересен. Но сильнее всего - жирный запах влажной земли, насыщенный аромат зелени и почему-то горьковатый вкус табака, чужеродный здесь, в диких джунглях.

Рут неохотно выныривает из своих видений, у неё слегка кружится голова, а вокруг все ещё витает сомн запахов, ясных и четких, и каждый из них она может легко вычленишь и назвать, но она сглатывает раз-другой, и ощущение пропадает. Уже совсем стемнело. Рут казалось, что в темноте между деревьями, плотной стеной подступающими к деревне, она видит два светящихся зелёным глаза. Она легко поднимается с места, ничего не объясняя, оставляет на пороге хижины старосты свой лук и настороженно всматривается в темноту.

- Зовёт что-то, - спрашивает староста, пуская ароматные клубы дыма. Он спокоен. Он знает этот взгляд и знает, что зовёт из темноты. Его слова по интонации даже не похожи на вопрос.

- Или кто-то, - соглашается Рут и делает несколько шагов вперед, к плотной кромке подступающих джунглей, навстречу двум светящимся зелёным пятнам.

Рут Татрис

Стоит только рут приблизится, как зеленые глаза отдаляются, пропадают в густой листве, и начинает казаться, что это был всего лишь обман зрения. Но, если присмотреться, улавливаешь покачивание листвы вон там, шорох травы вдалеке, потревоженной чьими-то шагами, мягкими, пушистыми лапами. Среди зелени то и дело мелькает пятнистый кончик хвоста, уводя все дальше в джунгли, прочь от деревни. Рут всматривается в следы, боясь пропустить отметки - самка припадает на переднюю лапу, идет медленно и тяжело, вдавливая каждый шаг в мягкую землю. Хвост волочится по земле, оставляя длинную полосу. Она стара, больна и, кажется, на грани смерти. В ста метрах от линии вырубки Рут наконец-то нагоняет самку - та уже даже не прячется, лежит у поваленного дерева, густо поросшего мхом, надсадно, грубо дыша. Розовый язык, вываленный из пасти, едва подрагивает. Она хочет пить, ей жарко. И тут же тело сотрясает сильная дрожь, больше похожая на судорогу. Большая кошка умирает и мучается то от жары, то от предсмертного озноба.

Рут подходит ближе, кошка щурится и обнажает длинные, пожелтевшие клыки, все еще способные разорвать тонкие сухожилия, рычит, но почти сразу же замолкает, едва Рут оказывается совсем близко. Охотника присаживается возле кошки, снимает с пояса фляжку с водой и льет в найденный поблизости крупный лист лианы, сложив его лодочкой. Кошка подозрительно принохивается к жидкости и начинает жадно лакать, проливая половину воды на свои лапы и землю вокруг. Она пьет торопливо, неаккуратно, захлебываясь и нервно сглатывая, худое дряхлое тело реагирует судорожными движениями на каждый глоток.

Жалко смотреть на это некогда великолепное животное, а ныне умирающее от старости. Рут знает эту самку леопарда - она ей снится практически постоянно. Это следы ее когтей в виде трех длинных шрамов белеют на ее бедре. Это след ее собственного кинжала можно увидеть на плече животного, так и не заросший мехом, отчего тот выглядит белесой линией от шеи и до локтя. Вот и свиделись. Узнала ли ее кошка, или нет, это было уже неважно. Важно было то, что она умирала, а Рут ничего не могла с этим поделать.

Рут Татрис

Через пару минут пятнистое тело затихло, сложив голову между лап. Со стороны выглядело, словно она просто, напившись, спокойно уснула. Может быть, так оно и было - она наконец смогла спокойно умереть, утолив свою дичайшую жажду. Рут завернула крышку фляги, снова повесив ее на пояс, протянула руку и погладила мертвое животное по гладкой шкуре. Под пальцами то и дело встречались старые зажившие шрамы. Джунгли жестоки ко всем, кто в них обитает.

Внезапная судорога скручивает тело с такой силой, что Рут начинает казаться, что она сломает себе спину. Внутренности словно раздирает острыми когтями, вырывая целый клочья живого мяса, Рут заваливается набок и сворачивается в позу зародыша, с силой стискивая зубы, чтобы только не проронить ни звука. И все же она стонет через плотно сжатые губы, пытаясь сжать руками то место, которое болит сильнее всего, но это сложно - боль распространяется по каждой клеточке тела, поглощая его без остатка, и очередная вспышка боли ослепляет, едва не вышибая дух.

Тело меняется, но Рут этого уже не понимает. Ей хочется, чтобы боль прошла и утихла, она даже готова молиться любым богам, чтобы только это прекратилось. Она стонет и рычит, голос мало похож на человеческий. Кажется, ломаются все кости, а в голове нет ни единой мысли, только тупое, отчаянное желание, чтобы все закончилось.

Время замирает, растягиваясь до бесконечности, измеряемой только силой болевых спазмов, и сложно сказать, сколько времени все это длится, прежде чем идет на спад.

Рут Татрис

Приглушенный лунный свет, едва пробивающийся через плотные заросли, казался чересчур ярким и резал чувствительные глаза. Пришлось на какое-то время зажмуриться, чтобы привыкнуть к яркости света, а затем проморгаться, обретая способность ясно видеть. Все выглядело смутно знакомым, но и вместе с тем абсолютно чужим. Тело казалось неловким, тяжелым, слишком большим, ныли мышцы, как будто она прошла огромное расстояние без отдыха, к тому же затекла спина. Рут попробовала пошевелиться, и взгляд упал на передние лапы. Пятнистые. Она пораженно уставилась на свои конечности, словно пыталась понять, как вообще такое произошло. Рядом высилось еще одно пятнистое тело, но от него сильно пахло старостью и болезнью - запах был неприятным. Кошка ощерилась и повела крупной головой, привыкая к своему изменившемуся телу.

Она попыталась встать, но ослабевшие лапы едва приподняли ее над землей,

после чего кошка повалилась обратно на жирную почву. Лапы не слушались, норовили разойтись, как будто были абсолютно чужими, прикрепленными к ней от другого тела. Кошка еще какое-то время лежала на месте, а потом рывком поднялась, чудом устояв на месте. Снова повела головой, разминая шею и покатые плечи, покрытые пятнистой шерстью. Боль и оцепенение проходили, тело словно вспоминало, что ему нужно делать. Удалось сделать первый шаг, когти взрыли мягкую землю, оставив в ней след.

Кошка подняла голову и принюхалась, оценивая весь многочисленный сонм запахов, окружающих ее. Словно раньше мир был каким-то куцом и обделенным, а теперь ей удалось познать его на полную мощь. С каждой секундой кошка становилась все увереннее в своих силах.

Рут Татрис

Освоившись со своим новым телом, кошка сделала несколько шагов вперед, покачивая хвостом. Запахи вели ее далеко отсюда, и ей хотелось исследовать его каждый, до самого последнего, чтобы понять, с чем она имеет дело. Она слегка прищурила глаза и приоткрыла пасть, чтобы чувствительное небо уловило даже самые тонкие ароматы. И поморщилась - запах смерти и болезни, все еще исходящий от мертвой кошки, перебивал все остальные. Нужно отойти еще дальше.

Удаляясь от последнего пристанища мертвой самки леопарда, Рут чувствовала, как силы, вернувшиеся к ней после кратковременной передышки, снова ее покидают. Лапы переставали слушаться, а хвост стал невыносимо тяжелым. И все же она упрямо шла вперед, надеясь, что ее сил хватит еще на парочку шагов. А потом еще на пару. И еще. И так до тех пор, пока лапа не подвела и не скользнула по жирной земле. Кошка неуклюже завалилась на бок, измазав шерсть в черноземе.

Тело вновь начало сводить, начиная с лап. Судорога подбиралась ближе к спине, по позвоночнику ползла вверх, к шее, дыхание перехватило. И все пошло по новой. Боль снова становилась невыносимой, стучала в висках в одном ритме, в котором можно было узнать сильно извращенное "Ом гам гамапатае намохам". Все закончилось быстро. Надо головой вновь сгустились сумерки, кажущиеся пролитыми чернилами.

Рут открыла глаза, пытаясь сфокусироваться на чем-нибудь, пока ней поймала в фокус какую-то ветку наверху. Мир раскачивался и угрожал вот-вот перевернуться солнышком. Но и это тоже прошло через пару минут.

Рут Татрис

Лежать на земле становилось неприятно - едва солнце скрывается, на джунгли опускается ночная прохлада, которая буквально оседает на коже испариной, от чего промокает любая одежда. Рут смогла подняться только когда слабость в теле полностью прошла. Бок был измазан грязью, одежда намокла, а волосы на затылке слиплись. Вокруг царил полумрак, слишком быстро захвативший эти места. К тому же Рут не помнила, как пришла сюда. Она присела на корточки, шаря руками по земле, пытаясь нащупать едва заметные следы лап. Чувствительные подушечки пальцев вскоре нашли какие-то углубления, которые охотница приняла за истину. С ней не было ни лука, ни кинжала, а оставаться без оружия в джунглях было очень

опасно. Особенно ночью. Особенно для человека.

Перемещаясь на корточках, Рут скоро нашла место, с которого началось ее приключение. Возле тела леопарда лежали и ее нож и фляжка, которая отцепилась от пояса, когда Рут скрутила судорога. Девушка подобрала свои вещи и еще раз коснулась пятнистой шерсти на прощание. На мгновение ее даже посетила мысль ее похоронить, но почти тотчас охотница отбросила ее как несущественную. В джунглях самые лучшие могильщики, они позаботятся о теле этой кошки.

Только намного позже, переодеваясь утром в доме старосты деревни, при солнечном свете Рут заметит на боках, бедрах и плечах бледно-темные пятна, повторяющие пятнистый рисунок шкуры леопарда. Но уже через полчаса звук ее шагов поглотят джунгли, обступающие маленькую безымянную деревушку плотным кольцом, а Рут уйдет дальше на запад.
